

А.И. Доватур

Политика и Политии Аристотеля

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Доватур**
Политика и Политии Аристотеля / А.И. Доватур – М.: Книга по Требованию, 2023. – 392 с.

ISBN 978-5-458-35983-2

"Построения Аристотеля в Политике должны были отражать не только греческую действительность его времени, но и его взгляды на нее. Внимательный наблюдатель современной ему политической жизни, близко соприкасавшийся с политикой по крайней мере трех разных по своему удельному весу государств (Македония, Афины, Атарней), Аристотель, разумеется, судил о политических вопросах не как дилетант и не как оторванный от жизни отвлеченный мыслитель, а как близкий к политической практике и хорошо знакомый с ней ученый. На основании своих наблюдений он составил определенное мнение о возможном будущем греческого полиса, который был главным предметом его размышлений. В нашей работе делается посильная попытка связать отражающиеся в Политике Аристотеля взгляды с его отношением к главе Македонской державы и надеждами, возлагавшимися им на своего бывшего ученика."

ISBN 978-5-458-35983-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Аристотель жил и писал в то время, когда Греция переживала тяжелый социально-экономический кризис, симптомами которого были резкое расслоение граждан с концентрацией богатства (включая и земельную собственность) на одном социальном полюсе и разорением на другом, развитие наемничества, возраставшие количества рабов и усиление классового антагонизма.

Одной из основных политических проблем были взаимоотношения между греческими полисами и находившейся в состоянии подъема Македонской державой. Правивший в Македонии (с 359 г.) царь Филипп, укрепивший власть монарха внутри страны, расширивший свое царство присоединением к нему ряда соседних областей, наступал на греческий мир в двух направлениях. Он покорял греческие города македонского, фракийского и геллеспонтского побережий, не останавливаясь перед разрушением некоторых из них (Олинф и другие города Халкидики). Мало того, со времени так называемой второй Священной войны (с 355 г.) он властно вмешивался в дела собственно Греции. Решительное противодействие Афин, воспрепятствовавших проникновению македонян через Фермопилы в Среднюю Грецию (352 г.), лишь на время отсрочило реализацию широких планов Филиппа. Спустя шесть лет (346 г.) македонский царь вторгся в Фокиду, опустошил и покорил эту область и стал членом (а фактически главой) дельфийской амфикионии. Херонейская битва (338 г.) окончательно закрепила господство Филиппа в Греции, а общегреческий конгресс в Коринфе (337 г.) дал формальное освящение фактическому положению дел, провозгласив македонянина главнокомандующим союзного греческого войска в предстоявшей войне с Персией.

Перед лицом победоносного северного соседа Греция не обнаружила единодушия. Отдельные греческие полисы в разное время в зависимости от складывавшейся ситуации то действовали заодно с Филиппом, то враждовали с ним, то занимали нейтральную позицию. Внутри полисов происходила борьба между двумя группировками — промакедонской и антиммакедонской.

Ярче всего (если судить по отражению в литературе) эта борьба проходила в Афинах. Линию старой рабовладельческой демократии олицетворяли Демосфен и его соратники — Гиперид, Ликург и др. В этих кругах, опиравшихся на широкие демократические слои афинского гражданства, а также, вероятно, на какие-то группы состоятельных торговцев (заинтересованных в сохранении доминирующего положения Афин в проливах) и предпринимателей (оружейников, судовладельцев и др.), борьба с Филиппом связывалась с величием Афин, восстановлением афинской гегемонии на море, подъемом гражданского духа. Черная свои идеалы в прошлом, Демосфен и его единомышленники сильно переоценивали возможности своего родного полиса и не хотели считаться даже с таким доказательством могущества Македонии, каким была битва при Херонее.

Противная группировка, в рядах которой были и видные ораторы (Эсхин, Демад), и крупные государственные деятели (Эвбул), и стратеги (Фокион), не надеялась на силы Афин и других греческих полисов. Она искала опору в Македонии. Один из выразителей воззрений этой группировки Исократ возлагал большие надежды на македонского царя, который, став во главе греков, должен был повести их на Восток и там, сокрушая извечного врага — Персидское царство, основать ряд греческих полисов, благодаря чему безземельные и бездомные греческие наемники стали бы оседлыми гражданами, а Греция была бы избавлена от той большой опасности, какую они для нее представляли.

Аристотель, чьи политические построения отнюдь не представляли собой чистого умозрения, не мог стоять в стороне от животрепещущих вопросов современной ему политической жизни. Связанный с молодых лет с македонским двором, выросший вне влияния традиций афинской демократии, испытавший воздействие Платона и Академии, гражданин маленькой Стагиры, сначала разрушенной македонянами, затем, по его ходатайству, восстановленной ими, отрицательно относился к демократическому строю Афин и к их политическим идеалам. Всем этим предопределялось отношение Аристотеля к Македонии и ее властителям.

Источником для изучения общих политических воззрений Аристотеля является его Политика. Более или менее ясно отразились эти воззрения в Афинской Политии и, вероятно, в других Политиях. Однако ни Политика, ни подавно Политии не содержат и (если говорить об утраченных Политиях) не содержали прямых высказываний о македонской политике и прямых оценок последней. Рассматривая Политику в том ее аспекте, который обращен к Политиям, мы попытаемся извлечь из нее ответ на интересующий нас в первую очередь вопрос.

ОТДЕЛ I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ АРИСТОТЕЛЯ И ИДЕЙНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ

ГЛАВА I

ПОЛИС КАК ТЕМА ПОЛИТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

Аристотель начинает свою Политику с определения сущности полиса (государства). Последний является некоей общностью, объединением (κοινωνία), притом наивысшим (κυριωτάτη). Всякое объединение направлено (στοχάζεται) к какому-нибудь благу (ἀγαθοῦ τινος), а наивысшее, охватывающее собой все другие объединения, — к наивысшему благу — μάλιστα δὲ καὶ τοῦ κυριωτάτου πάντων ἢ πασῶν κυριωτάτη καὶ πάσας περιέχουσα τὰς ἄλλας (cf. III, 7, 1, 1282b, 14 sqq.).

Аристотель применяет к полису свою обычную методичку расчленения сложного явления на его наименьшие части, не поддающиеся дальнейшему делению — ὥσπερ γὰρ ἐν τοῖς ἄλλοις τὸ σύνθετον μέχρι τῶν ἀσυνθέτων ἀνάγκη διαίρειν (ταῦτα γὰρ ἐλάχιστα μέρη τοῦ παντός) (I, 1, 3, 1252a, 18 sqq.). Такими первичными единицами являются, с точки зрения Аристотеля, два соединения: мужчина—женщина (ἄνθρωπος... καὶ ἄρσεν) и властвующий—подвластный (ἄρχων... καὶ ἀρχόμενος). В первом случае цель соединения — деторождение (τῆς γενέσεως ἕνεκεν), во втором — спасение, самосохранение (διὰ τὴν σωτηρίαν). В обоих случаях мы имеем дело, по учению Аристотеля, с соединением, вызываемым потребностями самой природы. Стремление оставить после себя себе подобных не является результатом рассудочного намерения, но лежит в самой природе людей, как оно лежит в природе животных и растений — καὶ τοῦτο οὐκ ἐκ προαιρέσεως, ἀλλ' ὥσπερ καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις ζῴοις καὶ φυτοῖς φυσικὸν τὸ ἐφίεσθαι, οἷον αὐτό, τοιοῦτον καταλιπεῖν ἕτερον (I, 4, 1252a, 28 sqq.). Природными свойствами обусловлено и разделение на господ и рабов. Тот, кто обладает предвидящим разумом, является властвующим по природе и господствующим по природе, а тот, кто благодаря своим

телесным качествам способен выполнять чужие приказания, является подвластным и по природе рабом, так что господину и рабу, по мнению Аристотеля, полезно одно и то же — τὸ μὲν γὰρ δυνάμενον τῇ διανοίᾳ προορᾶν ἄρχον φύσει καὶ δεσπότην φύσει, τὸ δὲ δυνάμενον ταῦτα τῷ σώματι ποιεῖν, ἀρχόμενον καὶ φύσει δοῦλον· διὸ δεσπότην καὶ δούλον ταῦτό συμφέρει (1252a, 31 sqq.).

План настоящей работы не предусматривает изложения содержания Политики Аристотеля. Такие изложения, превосходные и достаточно подробные, существуют как на русском, так и на иностранных языках.¹ Наше внимание должны привлечь лишь некоторые, впрочем, существенные, стороны дела, раскрывающие Политику Аристотеля в том ее аспекте, который обращен к Политиям.

Первые же параграфы Политики, содержание которых передано выше, знакомят читателя (слушателя)² не только с общими взглядами автора на предмет политической науки, но также с методикой его исследования и с теми воззрениями, которые лежат в основе как его общих взглядов, так и методического подхода к изучаемым им явлениям.

Рассмотренные параграфы Политики позволяют выдвинуть следующие положения.

1. Наивысшей формой человеческого объединения Аристотель в согласии с греческой политической наукой вообще объявляет полис.

2. Соединение людей в полисе имеет своей целью достижение наивысшего блага.

3. Изучение полиса, подобно изучению любого сложного явления, должно начаться с расчленения его на простейшие элементы, существования которых требует сама природа; выделение этих элементов делается на основе наблюдений над действительностью.

Дальнейшие наши рассуждения и соображения в этой главе будут группироваться вокруг этих трех положений.

Полис, по мнению Аристотеля, самый совершенный вид человеческого объединения.³ Полис противопоставляется, таким образом, объединениям менее совершенным. Таковыми являются, судя по словам самого Аристотеля, дом (οἰκία), деревня (χώρη), племя (ἔθνος). Дом, домохозяйство представляет собой первое объединение требуемых природой первичных соединений (муж—жена, господин—раб). Вторая ступень — деревня. Она определяется как первое объединение нескольких домов, возникшее не ради удовлетворения повседневных потребностей — ἡ δ' ἐκ πλείονων οἰκιῶν κοινωνία πρώτη χρήσεως ἔνεχεν μὴ ἐφημέρου χώρας (1, 7, 1252b, 15 sq.). Такое объединение возникает из единичного домохозяйства в силу разрастания первичной единой семьи. Из объединения нескольких деревень получается завершенное соединение — полис — ἡ δ' ἐκ πλείονων χωρῶν κοινωνία τέλειος πόλις (1, 8, 1252b, 27 sqq.).

В связи со своим построением генезиса полиса Аристотель впервые упоминает о племени (ἔθνος). Дом управляется домохозяйником; так управлялись и деревни; то же наблюдалось первоначально и в полисах, которые управлялись царями — διὸ καὶ τὸ πρῶτον ἐβασιλεύοντο αἱ πόλεις, а теперь наблюдается у племен — καὶ νῦν ἔτι τὰ ἔθνη (1, 7, 1252b, 19 sq.). Полис и этнос здесь противопоставлены один другому. Можно пойти дальше и задать себе вопрос, не противопоставляются ли друг другу тем самым эллины и неэллины. В данном случае положительный ответ на этот вопрос возможен. Имеются в виду, с одной стороны, цари греческих полисов, с другой — цари персидские, фракийские, скифские и др. В Политике есть еще некоторые места, к которым подходило бы такое объяснение. Несомненно о негреческих племенах⁴ говорится, что у них землевладение частное, но пользование плодами земли общественное — οἷον τὰ μὲν γῆπεδα χωρὶς, τοὺς δὲ καρποὺς εἰς τὸ κοινὸν φέροντας ἀναλίσκειν (ὅπερ ἔνια ποιεῖ τῶν ἔθνῶν) (II, 2, 1, 1263a, 3 sqq.). Установления обычно не объединены единым принципом, но если где-нибудь законы обращены к единой цели (εἴ ποῦ τι πρὸς ἓν οἱ νόμοι βλέπουσι), говорит Аристотель, то они все направлены на господство (τοῦ κρατεῖν στοχάζουσι πάντες); в качестве примера названы Лакедемон и Крит. «Также, — продолжает Аристотель, — и у всех племен, способных расширять свою власть, почитается такого рода могущество» — ἔτι δ' ἐν τοῖς ἔθνεσι πᾶσι τοῖς δυναμένοις πλεονεχτεῖν ἢ τοιαύτη τετίμηται δύναμις (VII, 2, 5, 1324b, 9 sqq.). Перечисляемые при этом примеры не оставляют никакого сомнения в том, что слово «этнос» имеет здесь смысл «негреческое племя»⁵ (скифы, персы, фракийцы, кельты); несколько ниже — карфагеняне, македоняне, скифы, иберы. Есть в Политике еще некоторые места, где обозначение «этнос» применяется к негреческим племенам (VII, 15, 1, 1336a, 6 sqq.; VIII, 3, 4, 1338b, 19 sqq.).

Однако такое узкое значение слова не подходит ко всем местам, где встречается слово «этнос». Правда, иногда контекст, не подтверждая значения «негреческое племя», в то же время не исключает возможности подобного понимания слова «этнос». Таков ряд мест, в которых полис и этнос противопоставляются один другому или во всяком случае сопоставляются, ставятся рядом как два различных понятия. Так бывает не только в Политике (III, 1, 12, 1276a, 27 sqq.; 10, 2, 1285b, 29 sqq.; VII, 4, 7, 1326b, 3 sqq.; особенно III, 8, 4, 1284a, 38 sqq.), но и в других произведениях Аристотеля (Никомахова Этика I, 1, 1094b, 10; Риторика I, 5, 1360b, 31 sqq.; II, 11, 1388b, 8 sqq.). Более показательны другие места, из которых видно, что слово «этнос» могло применяться и к грекам, греческим племенам. Положение о влиянии климатических условий на характер населения подтверждается в Политике наблюдениями над психологией народов. Сначала как будто греческие полисы противо-

поставляются распределенным по вселенной (негреческим) племенам — *σχεδὸν δὲ κατανοήσειεν ἂν τις τοῦτο γε, βλέψας ἐπὶ τε τὰς πόλεις τὰς εὐδοκίμουσας τῶν Ἑλλήνων καὶ πρὸς πᾶσαν τὴν οἰκουμένην, ὡς διείληπται τοῖς ἔθνεσιν* (VII, 6, 1, 1327b, 21 sqq.). Ниже греческий народ в целом назван τὸ Ἑλλήνων γένος, но еще ниже говорится о греческих племенах — τὰ τῶν Ἑλλήνων ἔθνη.⁶ В другом месте, отмечая различие между словами «полис» и «этнос», Аристотель называет аркадян, к которым, судя по контексту, он применяет обозначение «этнос» (II, 1, 5, 1261a, 27 sqq.).⁷ Нигде, однако, не найдем у Аристотеля слово «этнос» в применении к гражданам (обитателям) одного полиса (в собственном смысле), как это наблюдается у Фукидида, который говорит, что Никий перед стычкой с сиракузянами в 415 г. обошел свое войско κατὰ ἔθνη, причем под последним понимаются аргосцы, мантинейцы, афиныяне, островитяне (VI, 67, 3).

Укажем еще одно значение, какое, хотя и в единичных случаях, может иметь в подлинных сочинениях Аристотеля и в Corpus Aristotelicum вообще слово «этнос». «Ведь там [в Египте] сословию жрецов предоставлена возможность иметь досуг» — *ἐκεῖ γὰρ ἀφείθη σχολάζειν τὸ τῶν ἱερέων ἔθνος*, — говорится в Метафизике (I, 1, 981b, 24). Словом ἔθνος обозначено здесь сословие, часть населения страны. В неподлинном сочинении *Περὶ κόσμου*⁸ этим словом обозначаются группы населения, выделенные не только по социальному признаку (бедные и богатые), но и по признакам возраста (молодые и старые), физических (слабые и сильные) или нравственных (дурные и честные) качеств — *(πόλις) συνεστηκυῖα ἐκ τῶν ἐναντίων ἔθνων, πενήτων λέγω καὶ πλουσίων, νέων γερόντων, ἀσθενῶν ἰσχυρῶν, πονηρῶν χρηστῶν* (5, 396b, 1 sqq.). Такое словоупотребление не было необычным у греков. Оно встречается у Платона. Все государство, говорится в «Государстве», а не какой-нибудь отдельный этнос в нем должно быть счастливым — *οὐ πρὸς τοῦτο βλέποντες τὴν πόλιν οἰκίζομεν, ὅπως ἐν τι ἡμῖν ἔθνος ἔσται διαφερόντως εὐδαιμον, ἀλλ' ὅπως ὅ τι μάλιστα ὅλη ἢ πόλις* (IV, 420B; с тем же смыслом — 421C; V, 466A). В разных сочинениях Платона словом «этнос» обозначаются конкретные группы населения. Так обозначены ремесленники и земледельцы — *τὰ μὲν ἄλλα ἔθνη τῶν πολιτῶν περὶ τὰς δημιουργίας ὄντα καὶ τὴν ἐκ τῆς γῆς τροφήν* (Crit. 110C), дальше упоминается τὸ μάχιμον, где можно, но не обязательно подразумевать ἔθνος; врачи, кораблестроители и другие — *περὶ ἰατρῶν... ἢ περὶ ναυπηγῶν ἢ περὶ ἄλλου τινὸς δημιουργικοῦ ἔθνους* (Gorg. 455B). Обозначение «этнос» применяется к глашатаям — *τὸ κηρυκικὸν ἔθνος* (Politicus, 290B), к поэтам — *τὸ μιμητικὸν ἔθνος* (Tim. 19), даже к разбойникам и ворам — *ἢ ληστὰς ἢ κλέπτας ἢ ἄλλο τι ἔθνος* (Resp. I, 351C). В одном случае рыбы названы *ἰχθύων ἔθνος* (Tim. 92B). У Ксенофонта встречаем τὸ ἔθνος τὸ θῆλυ ἢ τὸ ἄρρεν (Oec. 7, 26). Такого рода выражения встречаются уже у Гомера: Гомер говорит о пчелах —

ἔθνεα μελισσᾶων (Илиада II, 87), об умерших — ἔθνεα νεκρῶν (Одиссея X, 526), о поросятах — ἔθνεα χοίρων (ibid. XIV, 73).

Характерно, что Аристотель счел возможным последовать традиции в Метафизике, но в своем политическом трактате решительно от нее отгородился: на всем протяжении Политики, где так часто речь идет о разных слоях населения, ни разу к последним не применяется название «этнос». Иначе говоря, вырабатывая свою политическую терминологию, Аристотель сохранил слово «этнос» лишь для обозначения племени, племенной единицы и отказался узаконить его как термин для обозначения единицы социальной.

Возвращаясь к основной линии нашего рассуждения, попробуем ответить на вопрос, какое место в Политике Аристотеля занимает «этнос», племя.

Сами по себе «племена» мало интересуют Аристотеля. Ни определением понятия «этнос», ни выяснением путей образования племен, ни детальным обследованием их жизни он в Политике не занимается. Как видно из рассмотренных выше мест, упоминания о племенах нужны Аристотелю для того, чтобы лучше оттенить его мысли о полисах. Сочетание πόλις и ἔθνος, как и противопоставление одного другому, было столь обычным у греков (см., например, Фукидид I, 3, 2 sqq.; Ксенофонт, Анабасис I, 7, 33; Пир 4, 14) и их этнографические сведения уже во времена Геродота были столь обширны, что мы не вправе считать приемы Аристотеля оригинальными.

Попытаемся выяснить, в каких случаях Аристотель обращается к жизни или истории «племен», в первую очередь негреческих. Речь будет, следовательно, идти не об употреблении слова «этнос», а об этнографическом и историческом материале о негреческих племенах, использованном Аристотелем.

Примеры из истории негреческих племен и народов (македоняне для Аристотеля тоже негреки; см. VII, 2, 5, 1324b, 9 sqq., 15)⁹ нужны Аристотелю в подавляющем числе случаев для иллюстрации его положений относительно царской власти. Последняя существовала в греческих полисах в очень давние времена, а в Спарте, где она не прекратила своего существования, она превратилась, по словам самого Аристотеля, в наследственную стратегию. Вполне естественно, что в поисках материала для заключений о возникновении царской власти и перипетиях ее истории Аристотель не раз выходил за пределы греческого исторического предания и обращался к фактам из истории македонских, фракийских, персидских, лидийских, ассирийских, египетских и других царей (V, 8, 5, 1310b, 34 sqq.; 8, 10, 1311b, 1 sqq.; 9, 2, 1313a, 37 sqq.; см. также VII, 13, 2, 1332b, 23 sqq.). Предлагая свой проект идеального строя, Аристотель ссылается на исторический опыт не только греческого Крита, но и Египта и италийских племен (VII, 9, 1, 1329b, 2 sqq.). Он останавливает свое внимание

на практике персидских царей сокрушать силу тех из подвластных им народов, которые некогда славились своим могуществом, — мидян, вавилонян и некоторых других (III, 8, 4, 1284a, 41 sqq.). С осуждением отзывается автор Политики о чисто военной направленности спартанского и критского уклада, приводя в качестве параллелей существующие у некоторых мощных народов обычаи, доказывающие их приверженность к военному делу и уважение к военной силе; здесь упоминаются скифы, персы, фракийцы, кельты, македоняне, иберы (VII, 2, 5, 1324b, 3 sqq.; упомянут и Карфаген, но о нём см. ниже). Вообще о нравах и обычаях отдельных народов время от времени говорится в том или ином контексте в Политике. У некоторых ливийцев жены являются общими, дети же распределяются на основании сходства с отцами (II, 1, 13, 1262a, 19 sqq.). В Эфиопии, по утверждению некоторых, принято назначать людей на должности по признаку высокого роста (IV, 3, 7, 1290b, 4 sqq.). Особенности кельтских нравов избавляют их от власти женщин, что является обычным уделом воинственных племен (II, 6, 6, 1269b, 24 sqq.). У многих негреческих народов имеется обычай погружать новорожденных в холодную реку, а у некоторых, например у кельтов, покрывать их небольшим покрывалом (VII, 15, 2, 1336a, 15 sqq.). Понтийские ахейцы и гениохи и некоторые другие племена отличаются разбойническими наклонностями и склонны к людоедству, но истинным мужеством не обладают (VIII, 3, 4, 1338b, 19 sqq.). Нет смысла добавлять ко всему перечисленному случайные попутные сообщения вроде рассказа Амасиса о сосуде для омовения ног (I, 5, 2, 1259b, 8 sq.) или того факта, что мидийские и персидские цари могли наслаждаться музыкой только в чужом исполнении (VIII, 4, 5, 1339a, 33 sqq.).

На особом положении был Карфаген. С одной стороны, Аристотель с полным основанием ставил карфагенян в один ряд с негреческими народами (VII, 2, 6, 1324b, 13 sqq.), с другой — строй Карфагена вполне допускал сравнение со строем греческих полисов, а потому в преобладающем большинстве случаев Карфаген рассматривается в Политике как полис. Его конституция подвергается разбору с точки зрения требований, предъявляемых Аристотелем к идеальному государственному устройству, наряду с построениями теоретиков Платона, Гипподама, Фалея и конституциями Лакедемона и Крита (II, 8, 1, 1272b, 24 sqq.). Кроме того, в другом месте карфагенское устройство определяется как аристократическое (IV, 5, II, 1293b, 14 sq.), упоминаются широкие судебные полномочия должностных лиц в Карфагене (III, 1, 7, 1275b, 11 sqq.). Дважды подчеркивается устойчивость карфагенского строя благодаря предусмотрительной политике правящего слоя, который не ставит препятствий обогащению людей из народа (V, 10, 4, 1316b, 5 sq.; VI, 3, 5, 1320b, 4 sqq.). В книге о государственных переворотах примеры из истории Кар-

фагена приводятся сразу же вслед за примерами из истории греческих полисов (V, 6, 2, 1307a, 2 sqq.; 10, 3, 1316a, 33 sq.). Финикийские города метрополии были вне поля зрения Аристотеля. Об этрусках он говорил только в своей серии *Νόμιμα βαρβαρικά*, посвященной описанию нравов и обычаев, а не государственного строя (fr. 607, 608; cf. fr. 611₄₄).

Противопоставляя в одних местах греков негреческим племенам — *ἔθνη*, Аристотель, как мы видели, в других говорит о греческих *ἔθνη*. В каких случаях Политика занимается последними? Оставим в стороне упоминание об особенностях *ἔθνη*, зависящих от климатических условий населенных ими областей (VII, 6, 2, 1327b, 33 sqq.), и рассмотрим главные места, где этнос берется как политическая единица. При этом нет надобности обязательно искать самое слово *ἔθνος*, так как нас интересует не его значение (о чем речь была выше), а факт упоминания таких политических единиц, которые не могли быть названы полисами и к которым подходило только название «этнос». Такой единицей была, например, Фессалия. Аристотель рассматривает взаимоотношения между фессалийцами и подвластными им пенестами (II, 6, 2, 1269a, 36 sqq.), говорит о «свободной площади» у фессалийцев, т. е. в фессалийских полисах (VII, 11, 2, 1331a, 31 sqq.). Не исключается интерес к отдельным полисам: в Политике имеются упоминания о Ларисе (III, 1, 9, 1275b, 26 sqq.; V, 5, 5, 1305b, 28 sqq.; 5, 9, 1306a, 10 sqq.), о Фарсале (V, 5, 7, 1306a, 10 sqq.). Существование Фессалийского союза в достаточной степени объясняет упоминания в Политике о фессалийцах в целом. Среди Политий Аристотеля была особая Фессалийская Полития (fr. 497—499). Между тем сам Аристотель определяет термин *πολιτεία* как строй тех, кто населяет полис, — *ἡ δὲ πολιτεία τῶν τὴν πόλιν οἰκούντων ἐστὶ τάξις τις* (III, 1, 1, 1274b, 38), и как «порядок в полисе всех прочих властей и особенно ведающей всем» — *ἔστι δὲ πολιτεία πόλεως τάξις τῶν τε ἄλλων ἀρχῶν καὶ μάλιστα τῆς κυρίας πάντων* (III, 4, 1, 1278b, 8 sqq.). Отсюда ясно, что *πολιτεία* (как, впрочем, это видно и из всех рассуждений Аристотеля на эту тему) является свойством полиса. Если Аристотель не поколебался написать о *πολιτεία* фессалийцев, то это объясняется не только собирательным смыслом, какой мог быть вложен в название фессалийцев (ввиду однородности строя фессалийских городов), но и главным образом существованием Фессалийского союза, который получил более строгую организацию уже после Аристотеля, но в какой-то мере издавна представлял собой единство.¹⁰ Общий аппарат союза напоминал собой организацию полиса и, вероятно, потому мог рассматриваться как *πολιτεία*. В таком же смысле писал Аристотель и о государственном строе этолийском (fr. 473), акарнанском (fr. 474), общеаркадском (fr. 483), боттиейском (fr. 485), фокидском (fr. 599). Этолийский союз даже в более поздних документах именуется не только *τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*,

но и τὸ ἔθνος τῶν Αἰτωλῶν (IG IX, 2, № 62, v. 6 = Dttb., Syll.³, № 532, v. 6).¹¹ Греческий этнос мог в представлении Аристотеля иметь свою πολιτεία.¹²

Определив полис как некое количество граждан — ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθος ἐστίν (III, 1, 2, 1274b, 41), Аристотель переходит к рассмотрению понятия «гражданин». Это рассмотрение приводит его к следующему заключению: «гражданин в собственном смысле определяется — больше, нежели чем-либо иным, — тем, что он участвует в суде и в управлении» — πολίτης δ' ἀπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὀρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ἀρχῆς (1, 4, 1275a, 22 sq.). Далее — признание, что такое определение больше всего подходит для граждан в демократическом государстве,¹³ а при других государственных устройствах оно возможно, но не обязательно — ὁ λεχθεὶς ἐν μὲν δημοκρατία μάλιστα ἐστὶ πολίτης, ἐν δὲ ταῖς ἄλλαις ἐνδέχεται μὲν, οὐ μὴν ἀναγκαῖον (1, 6, 1275b, 5 sqq.). Поэтому, принимая во внимание и недемократические формы государственного устройства (здесь названы Лакедемон и Карфаген), следует дать и такое определение гражданина: тот, кто имеет право быть участником совещательной или судебной власти — ᾧ γὰρ ἐξουσία κοινῶνεῖν ἀρχῆς βουλευτικῆς ἢ κριτικῆς, πολίτην ἤδη λέγομεν εἶναι ταύτης τῆς πόλεως (1, 8, 1275b, 18 sqq.). Все дальнейшие рассуждения Аристотеля касаются вопроса о совпадении добродетели хорошего человека с добродетелью дельного гражданина полиса, затем вопроса о существующих и желательных формах правления, переворотах и их причинах, способах сохранения разных форм правления, вопроса об идеальном строе в полисе. Единственный вопрос, выходящий (в значительной степени) за пределы полиса, — это вопрос о монархической форме правления.

Аристотель не может не видеть, что вокруг греческого мира существует иной мир, для которого полисная форма политического бытия не является нормой, но этот другой мир сам по себе не интересует Аристотеля в Политике. Одна из политических форм греческого полиса — монархическая — по самой своей сути находится в родстве или во всяком случае представляется схожей с преобладающей в негреческом мире монархической формой, а в силу этого и привлекается к рассмотрению Аристотелем. Этим не ограничивается смысл сопоставления разных видов монархий в Политике, далее (отдел I, главы 2 и 3 настоящей книги) будет сделана попытка выяснить замысел Аристотеля еще с одной точки зрения.

Полис был для Аристотеля высшим видом политического объединения. Можно ли на этом основании говорить об отсталости политического мышления Аристотеля? Эллинистическая монархия — та новая форма, которая зарождалась на его глазах, чтобы затем в ближайшие века получить пышный расцвет, вытеснила ли она в сознании самих греков греческий полис? Полисы